

П. П. Барашев

Сверкнул как метеор (Как Зиновьев преподавал философию в МФТИ)

В послевоенные годы и практически во времена прорыва России в Космос два вуза у нас в стране — тогда это был СССР — стояли особняком в ряду других. О них шла молва, они, как принято говорить сейчас, «не светились», им, чтобы привлечь к себе молодежь, не нужна была реклама. Хронологически это Московский механический институт, позднее переименованный в Московский инженерно-физический институт (МИФИ), и Московский физико-технический институт — МФТИ (начавший в 1945–1951 гг. свою деятельность в качестве обладающего особым статусом физико-технического факультета в стенах МГУ). Оба вуза по специальным и очень гибким системам преподавания, рассчитанным на весьма напряженный ритм обучения, целенаправленно готовили инженеров-физиков для работы в науке (физике) и в областях, говоря современным языком, передовых наукоемких технологий.

В этой заметке я хочу рассказать о начале того малоизвестного периода в жизни А. А. Зиновьева, когда он работал в МФТИ*. Речь пойдет о работе Зиновьева А. А. в метрополии Физтеха, находящейся в Долгопрудном, о том, как мы, обучаемые им студенты-выпускники, воспринимали его. Для нас это было время окончания обучения, для него — период начала работы

---

* В дальнейшем я, говоря об Александре Александровиче, иногда буду использовать аббревиатуру А. А., потому что именно так мы нередко называли его в наших разговорах.

с «умудренным» и весьма гонористым студенческим контингентом, причем работы в незнакомом ему, далеком от его интересов и весьма специфическом вузе. Изложены будут, конечно, личные впечатления, но в их искренности и правдивости не стоит сомневаться, потому что, поверьте, я сумел отсеять все, что, как мне кажется, могло бы вызвать хоть какое-либо возражение у любого из нас, для кого он был реальным преподавателем в течение этого года.

На пятом курсе МФТИ в 1958/59 учебном году во втором (весеннем) семестре в нашу учебную 955-ю группу на смену В. Тюхтину должен был прийти новый преподаватель Александр Александрович Зиновьев. Оставшиеся два семестра нам предстояло изучать «Философские проблемы естествознания», и то, что нам «достался» Зиновьев, можно смело назвать «сверхудачей».

Помню, как будто это было вчера, а не почти пятьдесят лет назад, его первое пришествие к нам. Сидим в маленькой комнате Аудиторного корпуса на втором этаже и в положенное время (4-я пара, занятия с 14.30 до 16.05) ждем начала семинара по философии. Нас необычно много — 11 человек (всего в группе 13 студентов)*. Способствовало явке группы на семинар почти в полном составе и то, что Тюхтин, преподававший нам философию до этого, по окончании предыдущего (зимнего) семестра предупредил нас, что в следующем семестре у нас будет новый преподаватель, про которого он сказал, что это «во всех отношениях уникальный человек» и нам с ним будет интересно... **

---

* Как правило, на «непрофильные» семинары обычно ходило чуть более половины группы, причем чередование прогульчиков саморегулировалось нами так, чтобы никто из нас не выглядел злостным уклонистом. Говоря физическим языком, посещаемость выглядела в среднем так, что показатели пропусков занятий были практически равны у всех и не доходили до уровня, за превышение которого следовало взыскание. Отчасти эта система «прогулов» была связана с тем, что занятия по общенститутским (а не «базовым» дисциплинам) проходили тогда всегда в субботу на Долгопрудной, и у нас был лишь один выходной день — воскресенье. Этого дня явно не хватало ни для личных дел, ни для латания дыр, если кто-либо отставал в учебе. Таким образом, «субботние прогулы» были, образно говоря, нашей ответной реакцией на нашу явную перегруженность в учебе. (Отмечу, что с 80-х годов Физтех из-за ультимативных требований Минобразования перешел на учебу с двумя выходными днями, но, как показало время, минусов от этой «разгрузки» оказалось гораздо больше, чем плюсов, связанных с перегрузкой и, заметьте, наоборот тоже: плюсов от разгрузки оказалось меньше минусов от перегрузки.) Это, впрочем, и понятно, поскольку учащегося лучше разумно перегрузить, чем недогрузить.

** Кстати, В. Тюхтин был хорошим, но, конечно, «традиционным» преподавателем. Можно даже, пожалуй, сказать, что он был лучшим из всех тех, кого кафедра общественных наук МФТИ отряжала в то время на преподавание нам «философии». В целом же — и это нужно обязательно отметить — преподава-

Итак, сидим, ждем... Минуты через три-четыре после звонка в аудиторию (а дверь мы держали открытой) зашел «семинарист», поздоровался с нами (мы, конечно, встали), снял пиджак, повесил его на спинку стула, остался в свитере, сел и начал знакомиться. У него был с собой обычный тогда для Физтеха «Классный журнал» (так называли «книжицу», получив которую в учебной части института, каждый преподаватель должен был заполнять и вести ее, а после занятий сдавать в учебную часть либо в деканат).

Знакомство шло традиционно. Александр Александрович по алфавиту называл нас, каждый вставал и отвечал на его вопросы, порой весьма неожиданные. Так, например, он оказался единственным преподавателем, который у каждого спросил, «чем он занимается на базе» и «в чем суть дипломной работы». Примечательно, что при беседе стоял не только отвечающий, вставал со стула и Александр Александрович и вел беседу тоже стоя, иногда медленно прохаживаясь...

Так уж получилось, что первым «допрашиваемым» (или, если хотите, «знакомящимся») в нашей группе стал я, ибо Вера Багирова* — первая в алфавите списке группы, на этом занятии отсутствовала. «Поплавал» я во время этого опроса основательно. Мне стало ясно, что я не сумел четко и ясно объяснить Александру Александровичу то, что мне казалось простым и очевидным. Одновременно и я, и ребята поняли, что он (в отличие от всех преподавателей-общественников) с физикой знаком. Вторым был Гера Васильев**. Герман тоже поплавал, но в итоге все-таки, как оказалось потом, выглядел лучше всех.

ние общественных наук в МФТИ было поставлено нормально. Да, оно было довольно ортодоксально, порой скучновато, местами излишне формализовано, но оно, поверьте, не воспринималось нами в то время как раздражающая обуза. Мы, переключаясь на общественные науки, можно сказать, отдыхали от физики. Сейчас, значительно повзрослев, я понимаю, что в создании благоприятной для нас обстановки при изучении обязательных дисциплин так называемого общественного цикла велика заслуга того педсостава, который, конечно, критично и выборочно формировали учебная часть, ученый совет и директор института (до 1962 г. Физтех возглавлял не ректор, а директор — генерал-лейтенант И. Ф. Петров). Короче, даже по циклу общественных наук в Физтехе учили, пользуясь его особым статусом в составлении учебных планов и в выборе преподавателей, явно нешаблонно.

* Багирова Вера (по паспорту не Вера, а Донара — кандидат физ.-мат. наук, жена академика Л. П. Горькова (физик-теоретик, выпускник МФТИ 1953 г.), живет с мужем в США с 1994 г.

** Г. К. Васильев — доктор физ.-мат. наук, один из создателей первого истинно «химического» лазера. Лауреат Ленинской премии (1984 г.), полученной за эти пионерские работы.

Странно, но не блеснули (я иду по алфавиту) ни Равиль Гарипов, ни Алик Ильин — ребята с математическим складом ума, работы которых были чисто теоретическими и относились к тому, что принято называть математической физикой*. Слово «странно» я употребил потому, что уже на моем примере все присутствующие почувствовали, что мы имеем дело с человеком не только хорошо образованным, но и очень логично мыслящим и ведущим беседу по законам логики. Столь явного присутствия логики в разговоре (причем непродолжительном) и, как следствие, стремления к уничтожению «словесного мусора» из беседы мы еще не встречали или, говоря точнее, оно нам было неизвестно... Когда прозвонел звонок, означавший что прошла первая половина занятий, Зиновьев ознакомился чуть больше, чем с половиной группы. Он вышел из аудитории, а мы наперебой стали высказывать первые наши мнения о нем. У всех было ощущение необычности происходящего, а самый серьезный из нас, Р. Гарипов, отрезюмировал предельно хорошо: «Интересно, а что же дальше будет?» После звонка об окончании перемены знакомство продолжилось. Опять наша сторона выглядела бледновато. Хотя Жора Сидоров отличился. На вопрос «Чем занимаетесь?» он, ей-богу, видимо, думая избежать тем самым постигшего всех нас «плаванья», гордо ответил: «Закрытая тема». Другого слова не подобрать — мы заржали, и к своему удовольствию, увидели, как к нам присоединился Александр Александрович. Хотите — верьте, хотите — нет, но этот эпизод как-то резко сблизил нас с ним (и наоборот) и резко сократил «время привыкания». Жоре же за эту «изюминку» досталось больше, чем нам, поскольку после этого разговор Александра Александровича с ним, длившийся по времени столько же, сколько с каждым из нас, шел целиком «вне физики», т. е. на том поле, где мы были действительно убогими... Знакомство со всеми, пришедшими на занятия, закончилось минут за 10—15 до звонка. В оставшееся время он говорил, а мы внимали. Сначала он сказал, что, судя по всему, «ему будет приятно работать с нами, а каково будет нам — время покажет». Затем он огорошил нас, сказав, что, по его мнению, в нашем образовании «есть непонятно почему возникший изъян» — мы совершенно не знакомы с математической логикой. Поэтому за предстоящее нам двухсеместровое общение

---

* Гарипов Равиль Мухамедзянович — доктор физ.-мат. наук. Знаменит тем, что решил проблемную задачу, носящую название «задачи о мелкой воде».

Ильин Альберт Васильевич (трагически погиб в 1986 г.) — кандидат физ.-мат. наук, нашел оригинальное решение задачи о схлопывании кавитационных пузырей, которое до него не удавалось получить лет тридцать.

он постарается, занимаясь с нами философией, преподать нам азы этой дисциплины и, главное, убедить нас в ее значимости настолько, чтобы мы увлеклись ею*.

Прежде чем начать описывать, что же было дальше, — на последующих занятиях, сделаю небольшое отступление. Уже при знакомстве мы заметили, что у Александра Александровича была с собой «пузатенькая» записная книжка, в которую он иногда что-то записывал (он и потом почти всегда что-то время от времени вносил в нее). Книжка всегда была его спутником, а то, что это была не временная забава (или необходимость!) я понял спустя много лет... При моей встрече с ним почти через 35 лет — это было в 1999 г. (перед его окончательным возвращением в Москву) он моментально вспомнил меня, назвав Петром, и почти сразу в начале беседы стал интересоваться судьбой других ребят нашей группы, верно называя их по именам и фамилиям. Меня это поразило. Ну, ладно — я ведь писал реферат под его руководством (об этом будет рассказано позже), он со мной довольно много возился, но ведь я оказался единственным таким в группе. У остальных ребят таких более «плотных», чем семинары, контактов с ним не было, а он их помнил не хуже, чем меня! Когда же я похвалил его память, он ответил мне, улыбнувшись, что он иногда «просматривает свои старые записные книжки». Я принял это объяснение, но потом, наткнувшись на несколько чудом уцелевших своих старых записных книжек, относящихся почти к тем же временам, убедился, что более чем половина имеющихся там записей — фамилий, фраз, планов, цифр — мне ни о чем не говорит. В чем же дело? Скорее всего, в памяти, более глубокой, целенаправленной. Впрочем, это тоже один из феноменов А. А. Зиновьева.

На второе занятие, через неделю, мы, готовые начать изучать математическую логику, явились все**. Но нас ждал сюрприз. Александр Александрович обратился к нам с вопросом, о чем бы

---

* Кстати, в Физтехе до сих пор почему-то математическая логика не в почете. Да, она есть, она преподается — но только факультативно, для желающих. Когда в 1998 г. меня избрали председателем Методической комиссии МФТИ, задачей которой было пересмотреть общенститутский учебный план в связи с переходом на систему обучения по этапам «бакалавриат» — «магистратура», я (с рядом нормальных людей в комиссии) люто отстаивал необходимость включения этой дисциплины как обязательной для всех студентов МФТИ. Однако под наплывом требований, ссылающихся, что главное ныне — это информатика — ректорат так и не решился включить математическую логику в число основополагающих дисциплин. Так что «изъян» в образовании физтехов, отмеченный А. А. Зиновьевым еще в 1958 г., по-прежнему гноится в теле Физтехе.

** Отмечу, что свойственные нам «субботние прогулы», о которых я сказал ранее, в нашей группе полностью прекратились, и посещение семинаров А. А. стало для нас желательным событием.

мы хотели «сегодня поговорить». (Нас это удивило: обычно преподаватель либо сам объявлял тему занятий, если она не была известна заранее, либо на семинаре надо было отчитаться о том, как ты выполнил задание, полученное на предыдущем семинаре.) Мы, оторопев, сидели молча и хмуро. Картина, конечно, была забавная. Мы с мгновенно пропавшим энтузиазмом сидим в прострации, а А. А. ходит вдоль доски и улыбается. Наконец Леня Машков пробубнил: «Об уравнении Шрёдингера»...* «Согласен», — откликнулся Зиновьев. Он подошел к доске, взял мел и сказал:

«Придется сначала его записать». Но вдруг повернулся к нам и произнес: «Давайте работать в дираковских обозначениях с «бра» и «кет», так суть модели станет прозрачнее»... Мы остолбенели... Дело в том, что квантовой механикой нас, как мы говорили, «продрючили» в стенах Физтеха основательно — у нас всех за плечами был годовой курс лекций, прочитанный самим В. Б. Берестецким, и суровые еженедельные семинары, подкрепленные двумя экзаменами (кстати, сейчас курс «Квантовой механики» в МФТИ вдвое короче — один семестр!). Но! — все это усвоено нами «по Ландау», без символики Дирака (впрочем, для желающих этот курс был — его читал С. П. Аллилуев, но ходили на него гурманы, ибо ничего нового там не было, а со временем у большинства было так туго, что эта добавка считалась изыском). Увидев наше состояние и, главное, поняв наше смятение, А. А. написал на доске два уравнения Шрёдингера (в обычных и дираковских обозначениях) и повел с нами беседу... Некая уверенность в себе стала возвращаться к нам... Через полчаса, когда прозвонил звонок на перемену (занятия длились два академических часа с перерывом), мы, обменявшись впечатлениями, сразу пришли к выводу, что «Александр Александрович — корифей».

Тлевшая в нас спесь, что мы — физики, а он — пусть даже философ, но все-таки гуманитарий, была им напрочь сбита... Теперь о сути его педагогики. Уже на первом занятии (после звонка) на примере уравнения Шрёдингера он дал нам наглядно понять, как велика роль математической логики в естествознании и, в частности, в интересующей нас физике. Все дальнейшие занятия (весной на пятом курсе в 1958/59 учебном году и осенью на шестом курсе в 1959/60 учебном году по 17 в каждом семестре) были уникальными — всегда это был своеобразный сплав физики, логики и, конечно, философии. Жаль, очень жаль, что никто из нас не вел на этих семинарах систематизированных записей, хотя я понимаю, что сде-

---

* Почему он это сказал, сам Леня до сих пор не знает и правильно отвечает на наши подшучивания по этому поводу: «А что изменилось бы, если бы я сказал другое?» Логично? Да...

лать это было практически невозможно, настолько динамичными были занятия. Интересно, но это останется тайной, что же записывал сам А. А. в официальном «Классном журнале», который он был обязан вести. Ясно, однако, главное. Судя по всему, именно с нами он начал заниматься тем, что потом было изложено им в абсолютно оригинальной монографии «Логическая физика», вышедшей в издательстве «Наука» в 1972 г. Так ли это, мне неизвестно, но хочется думать, что преподавательская работа в МФТИ, начатая им в 1958/59 учебном году в двух группах (854-й и 955-й) по субботам и заполняющая вместе с дорогой, по сути дела, весь день, способствовала рождению этой книги, а мы сыграли роль тех, на примере которых он осознал необходимость сделанного им*.

Теперь я хочу рассказать о другом. Летом 1959 г. руководство Физтеха решило, что кроме традиционных занятий по философии каждый студент-дипломник должен был в 11-м семестре написать (и защитить!) реферат, выбрав себе по желанию какую-либо тему из списка, предложенного кафедрой общественных наук. Организовать и возглавить эту работу дирекция МФТИ поручила А. А. Зиновьеву. В середине сентября 1959 г. нам был предложен большой список возможных тем рефератов. В списке рядом с названием темы указывалась и фамилия преподавателя-консультанта. Дело прошлое, и можно сознаться, что почти все мы рассматривали это мероприятие кафедры как обузу, ибо до окончания института оставалось чуть более полугода и подготовка дипломной работы вступала в решающую фазу. В этих условиях сунуться к А. А. Зиновьеву, заявившему около десяти тем, означало, что предстоит «пахать», сколь бы ни хороша была твоя предыдущая подготовка.

Но был и соблазн — уж очень оригинален он был. Кроме того, ясно было, что «он не перегнет палку» — доброжелательность ему была свойственна. На экзаменах он не свирепствовал, ограничиваясь, как говорил, определением «не уровня знания, а уровня незнания». Из-за такого подхода мы так и не могли понять, нужно ли гордиться оценкой «отлично». Нас, решившихся работать с А. А., было четверо: я, Борис Казак. Володя Ткаченко (оба из группы 854, где А. А. тоже вел семинары) и отчаянный Борис Воробьев (из группы 243, где вел семинары В. Тюхтин). Темой моего реферата был «Принцип дополнительности и его философская оцен-

---

* У меня был экземпляр этой книги с дарственной надписью, но он пропал, поскольку постоянно находился в движении от одного читателя к другому. Сейчас я имею размноженный на ксероксе экземпляр. Ксерокс был сделан с книги, принадлежащей библиотеке Института химической физики РАН, которая (во избежание потери) выдается только для чтения в читальном зале.

ка», у В. Ткаченко — «Теорема Геделя и ее значение в естествознании», у Б. Казака — что-то связанное с теорией множеств, а у Б. Воробьева — «Об абсолютной и относительной истине»*. Работа над рефератами у нашей троицы выглядела так.

Каждую неделю в субботу в 16.05 после окончания 4-й пары (а это были для Александра Александровича занятия с 854-й группой) мы беседовали с Зиновьевым о том, что мы сделали и что предстояло сделать. Если погода была хорошая (в сентябре, октябре), работали обычно на воздухе, сидя на лавочках около института. Когда похолодало (ноябрь, декабрь), беседовали уже в свободных аудиториях. Обычно обсуждение было попарное: Александр Александрович и кто-либо из нас, но всегда в присутствии еще двух, либо ждущих своей очереди, либо уже побеседовавших. Вся троица при беседе имела право голоса, хотя обычно мы в дела друг друга не вмешивались. Тем не менее каждый из нас, по сути дела, понял и разобрался с помощью преподавателя во всех трех темах. Беседы оканчивались около 18 часов. Ткаченко шел в общежитие, а мы трое — Александр Александрович, Воробьев и я шли на электричку (это была обычная электричка в 18.27 из Долгопрудного). Дорогой мы по уговору Александра Александровича никогда не говорили о работе, а «судачили» о жизни. Воробьев выходил на станции Лианозово (он жил в этом районе), а я ехал с Александром Александровичем до Савеловского вокзала и затем на автобусе до метро Новослободская, где, спустившись в зал, мы расставались — ехать «по кольцу» нам было в разные стороны**.

Работы над рефератами мы завершили к Новому году. Каждый из рефератов, как я сейчас понимаю, явно имел характер критического обзора. Для достижения этого Зиновьев заставлял нас читать первоисточники в оригиналах, определять ценность и значимость каждой цитируемой работы, выявлять их суть, новизну и — главное! — искать и указывать на слабые стороны и места. Что касается моей темы, то почти все обозреваемые работы были с позиций, подсказанных мне Александром Александровичем, с изъясном. Из-за этого у меня даже создалось кислое впечатление,

---

* Приблизительно через месяц Б. Казак поменял тему, взяв какую-то другую из числа «стандартных» (так называемых общественно-политических) и ушел под крыло другого преподавателя.

** Я жил тогда в Подмоскowie, в городе Бабушкине (а точнее, в так называемой Лосинке, на Ярославском шоссе). И проще, и быстрее мне добираться домой было либо, сойдя на станции «Бескудниково» (и далее через Отрадное в Лосинку), либо, сойдя на платформе «Окружная» (и далее через Березовую аллею в Лосинку). Однако из-за получаса общения с Зиновьевым я возвращался домой, делая заметный крюк.

что ничего стоящего (с точки зрения настоящей философии) по поводу «Принципа дополнительности» к тому времени вообще не было сделано. Текст реферата, многократно отредактированный Александром Александровичем, который безжалостно уничтожал, как он говорил, «словоблудие», был очень емким, сцементированным так, что каждая фраза была значимой. Поскольку у меня дома была пишущая машинка, я «изготовил» (под копирку) два экземпляра и сдал их, получив наконец разрешение Александра Александровича в комиссию. Защита рефератов состоялась в середине января 1960 г. и прошла успешно — все мы получили оценку «отлично». Но наши работы, равно как и процедура защиты, резко выделялись в ряду других, защищаемых в этот же день («защитная сессия» на курсе длилась почти две недели, так как в день защищалось не более 15 работ). Во-первых, только у нас в работах присутствовала математика (точнее — математическая логика) и, во-вторых, наш рецензент В. Тюхтин каждую из работ предложил, переработав, опубликовать. (Делать это мы по совету Александра Александровича, сказавшего, что мы «все прежнее правильно разложили по полочкам, но своего изделия в эту второсортную экспозицию не внесли», конечно, не стали.) Отмечу также, что никому из нас троих никаких вопросов никто из слушавших нас членов комиссии не задал. Ни одного... Чувствовалось, что А. А. Зиновьеву это явно не понравилось, несмотря на восторженные отзывы В. Тюхтина.

В институтской малотиражке «За науку», в № 4 от 27 февраля 1960 г. в статье «Работа студентов-дипломников над рефератами по общественным наукам», напечатанной, кстати, без подписи авторов, моя работа была названа в числе лучших, но почему-то не были упомянуты работы В. Ткаченко и Б. Воробьева, которые были если не лучше, то ничуть не хуже (мне даже стало из-за этого неловко перед ними). Видимо, жюри решило, что вряд ли стоит отмечать все три работы, руководителем которых стал только что начавший преподавать в МФТИ А. А. Зиновьев, а выбор именно моей работы — дело случая...

Что же касается реферата, то я бы с большим удовольствием прочитал его вновь, поскольку понимаю, что это было все-таки хорошее «изделие», отредактированное самим А. А. Зиновьевым. Но, к сожалению, увы! Это невозможно... Было, как я уже упоминал, два машинописных экземпляра реферата, из которых один остался на кафедре, а второй — у В. Тюхтина. Оставались, разумеется, черновики с правками преподавателя и рукописный текст — я их не уничтожал. Однако сразу после защиты реферата началась другая

интенсивная работа — подготовка дипломной работы, защиты которой состоялась в марте 1960 г. Потом было распределение, выпуск, летний отпуск. Когда я опомнился, было уже поздно — все связанное с рефератом куда-то пропало (вероятно, вместе с черновиками дипломной работы, которые я не предполагал хранить). Попытки потом найти реферат на кафедре, которые я предпринял, работая в МФТИ, в начале 70-х годов, успехом не увенчались: рефераты всех выпускников 1960 г. (равно как и рефераты других выпускников, проходящих эту процедуру) были уничтожены по истечении положенного для подобных документов срока хранения, составляющего по тогдашним инструкциям, пять лет. Так что реферат для меня «канул в неведомое», ибо я действительно не в состоянии сколь-нибудь верно воспроизвести его содержание.

На распределении мне было предложено остаться работать в МФТИ, но я, поддавшись уговору друзей, решил окунуться в «кипучую космическую деятельность» и распределился в п/я 1027 (ныне это Исследовательский центр им. М. В. Келдыша). Однако через полтора года, в марте 1962 г., я, после повторного предложения из ректората МФТИ, инициированного, как оказалось, Д. А. Франк-Каменецким, имевшим со мной на эту тему беседу, перешел на работу в МФТИ. К этому моменту А. А. Зиновьева в Физтехе уже не было.

До сих пор все написанное мною — это итог труднопереносимых на слова воспоминаний, оставшихся в памяти у студента, песнупетельного в юности Зиновьевым, хотя я прекрасно понимаю, что при этом они невольно оказались окрашенными моим сегодняшним осознанием, каким гигантом он стал позднее. Теперь же, оправдывая неслучайность появления подзаголовка к воспоминаниям, я расскажу о неведомой тогда нам, студентам, конфликтной ситуации, сложившейся у Александра Александровича с руководителем кафедры, на которой он работал, и ставшей для Зиновьева, на мой взгляд, в конце концов невыносимой.

Для восстановления канвы событий, сопровождающих работу Зиновьева в МФТИ в те теперь уже далекие годы (1958—1960 гг.), мне, разумеется, пришлось обратиться к архивным документам, хранящимся в Физтехе, поскольку нам, студентам того времени, и даже тогда многие важные детали из жизни кафедр института были неизвестны. Очень помогли и беседы о Зиновьеве с единственным (увы!) из оставшихся в живых с тех времен коллег Зиновьева по кафедре пенсионером доцентом М. А. Китаевым. Беседы с Китаевым были очень откровенными, поскольку в годы моего студенчества он четыре семестра вел у нас семинары по различ-

ным дисциплинам общественных наук, а позднее, когда я работал в Физтехе (1962—1985 гг.) в должности заместителя декана факультета молекулярной и химической физики, он был членом ученого совета факультета. Это вкупе позволило, как мне кажется, правильно сюжетно восстановить и, может быть, даже верно понять события того времени и, как говорят физики, опосредованно ощутить, каково было ему (А. А. Зиновьеву) в МФТИ.

Итак, как уже упоминалось, Зиновьев начал заниматься с нами, пятикурсниками, в весеннем семестре 1958/59 учебного года. Однако на работу в МФТИ (по совместительству) он пришел в сентябре 1958 г. и, честно говоря, мы, пятикурсники, его появление никак не ощущали, никакая молва о нем не шла. А происходило это вот почему. Преподавание общественных наук в Физтехе осуществляла единая общеинститутская кафедра марксизма-ленинизма. Эта кафедра вела на протяжении пяти лет преподавание по всему спектру тогдашних общественных наук: «История партии» (первый курс), «Основы марксизма-ленинизма» (второй курс), «Основы политэкономии (третий курс), «Диалектический и исторический материализм» (четвертый курс) и, наконец, «Марксистско-ленинская философия» (пятый курс). Так сложилось, что во второй половине 50-х годов в Физтехе резко возросло недовольство студентов-старшекурсников тем, что при изучении философии очень мало уделяется внимания тому, что можно назвать философией естествознания. К мнениям студентов в Физтехе всегда чутко прислушивались. Поэтому было решено укрепить преподавательский состав кафедры по этому направлению, причем укрепить радикально, с перспективой активного участия физтеховских преподавателей и, может быть, даже выпускников в развитии философской науки. Найти таких людей было непросто, а еще сложнее первого, который должен был стать лидером, формирующим затем соответствующий коллектив. Дирекция отвергала один вариант за другим, время шло, а подходящего человека не было. Спас ситуацию легендарный для Физтеха человек — доцент кафедры математики МФТИ Б. О. Солонуц*, работавший в 1947—1950 гг. заместителем декана

---

* За человечность и лучезарность Солонуца любили все студенты. Он безошибочно угадывал, есть ли полезность в предлагаемых новшествах, и будучи в этом уверенным, умел, как говорили про него, «организовывать неорганизуемое». Поэтому не случайно в 1960 г., после принятия решения об организации Сибирского отделения Академии наук СССР и, соответственно, Новосибирского государственного университета (по образу и подобию Физтеха), приказом Минвуза Солонуц был переведен из МФТИ в НГУ на должность декана факультета естественных наук.

физико-технического факультета МГУ — исторической предтечи МФТИ. Именно Солонуюц, знавший Зиновьева еще по МГУ, сделал ему предложение, от которого Зиновьев не отказался*. Затем последовала встреча-смотрины Зиновьева с заместителем директора МФТИ по учебной и научной работе С. А. Шумовским, который дал свое согласие на кандидатуру Зиновьева**. Потом последовала обычная процедура. Зиновьев написал заявление на имя директора МФТИ о приеме на работу в должности старшего преподавателя на кафедре марксизма-ленинизма и получил согласие зав. кафедрой к. и. н. А. Г. Оганяна. Соответствующим приказом ему была назначена зарплата 1250 рублей в месяц. Окрыленный напутствием Шумовского, Зиновьев был готов окунуться в работу с физтехами по «философским проблемам», но его ждал неприятный сюрприз. В соответствии с расписанием, составленным А. Г. Оганяном, Зиновьев должен был вести занятия не на пятом, а на четвертом курсе по дисциплине «Диалектический и исторический материализм» (по так называемому диамату). На возражения Зиновьева Оганян ответил, что у него, дескать, кадровая дыра с преподавателями диамата, нужно помочь кафедре, и поэтому он просит оказать ему услугу и согласиться с его вариантом. Зиновьев почему-то согласился. На самом деле, как рассказал мне Китаев, никаких кадровых проблем не было. Просто Оганян повел свою игру. Будучи шапочно знакомым с перипетиями, связанными с защитой Зиновьевым кандидатской диссертации, он заочно взрастил в себе патологическую неприязнь к Зиновьеву. Плоды своей ошибки (я говорю о согласии) Зиновьев почувствовал сразу. По рассказам Китаева, Оганян, считающий себя специалистом по диамату, а Зиновьева — новичком (он ведь кандидат философских

---

* Кстати, я думаю, а не могло ли стать причиной появления Зиновьева в МФТИ его желание поближе и именно изнутри узнать, как же реально обстоят дела в Физтехе, ибо в бытность его студентом МГУ (1946–1951 гг.) он, конечно, имел свое представление о том учебном эксперименте, который был начат в стенах МГУ на физико-техническом факультете, ставшем, как уже говорилось, предтечей МФТИ?

** Кандидат технических наук С. А. Шумовский (1902–1982 гг.), работавший в МФТИ с сентября 1954-го по январь 1961 г., был весьма необычным человеком (достаточно сказать, что портрет Шумовского помещен в Галерею славы Мемориального музея СВР — (Службы внешней разведки — в Ясенево). В 1931 г. по специальному решению ЦК ВКП(б) он был послан на учебу в США, где с отличием окончил Массачусетский технологический институт и получил степень магистра авиационных наук (в 1936 г.). В дальнейшем занимался вопросами, связанными с созданием в стране новейшей авиационной техники, часто бывал в загранкомандировках. Его вклад в развитие Физтеха в тот период несомненен и очень значим.

наук!), буквально замучил Зиновьева контрольными посещениями его занятий и требованиями проводить их так и только так, как это предписано в соответствующих методичках, составленных Оганяном... Вы можете представить себе Зиновьева в узде? Я — нет. Узда не работала, конфликт разрастался. Итогом стало то, что Оганян не позволил Зиновьеву участвовать в зачетной и экзаменационной сессии, а студентов Зиновьева аттестовывал сам. Студенты, конечно чувствовавшие противостояние Зиновьев — Оганян, были при этом самым этим фактом ошарашены настолько, что даже не пытались вникнуть в его суть — им было не до оценки личности Зиновьева. Существованием именно этой «диаматной эпопеи» и объясняется некая задержка в рождении в Физтехе реальной «молвы о Зиновьеве» Пошел пока всего лишь слух, что на кафедре появился весьма необычный «мужик» (так в Физтехе было принято говорить о достойных людях). Что предпринял Зиновьев, чтобы устраниваться от диамата, я не знаю, но в весеннем семестре он уже преподавал философию пятикурсникам и, в частности, как я уже упоминал, в группе, где я учился, пришел на смену В. Тюхтину. Здесь, надо признать, Оганян уже не вмешивался (методички не было!), Зиновьев был полностью свободен, а мы сразу же почувствовали на себе его мощь и уникальность. Работа шла успешно, и к лету 1959 г. по Физтеху уже ходила молва о нем как о корифее... По окончании семестра Зиновьев, как и все совместители, был уволен...* Осенью 1959 г. Зиновьев продолжил работу. В очередном заявлении о приеме на работу, кстати, согласованном со всеми нужными инстанциями, было указано, что он продолжит работу в прежней должности старшего преподавателя. Однако при зачислении произошло неожиданное. На заявлении вдруг появилась резолюция-просьба зав. кафедрой А. Г. Оганяна (бывшего в ту пору к тому же секретарем партбюро МФТИ, т. е. главным «идеологом» института), написанная им на имя директора И. Ф. Петрова: «Прошу Вас зачислить тов. А. А. Зиновьева с 1 сентября 1959 г. на должность ассистента». И представьте себе, эта уловка Оганяна, основанная на том, что в дирекции рассматривались и визировались лишь документы тех, кто оформлялся в Физтех впервые, а ранее работавшие в МФТИ совместите-

---

* Все преподаватели-совместители в МФТИ оформлялись на работу только на время предстоящего учебного года. На лето (июль—август) их увольняли. На следующий учебный год нужных МФТИ оформляли вновь и т. д. Причем при каждом зачислении нужно было писать заявление о приеме и проходить, хотя и упрощенную, процедуру согласования.

ли переоформлялись на уровне работников кадровых инстанций института, успешно сработала. Как следствие, в большом сводном приказе, включающем всех совместителей, приходящих на работу, фамилия Зиновьева попала в колонку ассистентов (с окладом уже 875 рублей в месяц)*. Сопутствовала этому обману и еще одна хитрость. В сводном расписании занятий для всех студенческих групп в МФТИ, где указывалось время, аудитория, фамилия преподавателя и его ученая степень, звание и должность, там, где речь шла о Зиновьеве, его должность не была указана. Поэтому мы, например, считали его старшим преподавателем (он ведь был им уже у нас весной). А каково было ему... Работы предстояло гораздо больше — к семинарским занятиям добавилось конкретное задание от дирекции «по рефератам» и чтение заявленного им факультативного курса лекций по нетрадиционной логике — а тут такое! Что творилось в душе Зиновьева, когда он узнал о «понижении», как узнал, — одному Богу известно. Я полагаю, что узнал не сразу, поскольку упомянутый приказ о зачислении, будучи документом на уровне ДСП, публично не вывешивался и доводился до сведения упомянутых в нем лишь при личном обращении. Реально почувствовать неладное в этих условиях можно было, получая первую зарплату в кассе. А может быть, все же кто-то ему заранее сообщил? Остается только гадать. Со слов Китаева знаю, что чисто внешне эта гадость никак не повлияла на свойственное Зиновьеву поведение на кафедре. Он оставался самим собой. Более того, когда сердобольный Китаев, узнав об очередных «бедах» Зиновьева, посоветовал ему обратиться в дирекцию либо к И. Ф. Петрову, либо к С. А. Шумовскому и выяснить, почему его понизили в должности, Зиновьев ответил ему, что «беда не в том, что я ассистент, а в том, что все мы здесь ассистенты». Наивный Китаев! — нашел кому советовать пойти с жалобой. На месте Китаева человек, хорошо знающий Зиновьева, никогда бы этого не сделал, ибо Зиновьев жил по принципу «никогда никого ни о чем для себя не проси», хотя я почему-то стопроцентно уверен: обратиться Зиновьев в дирекцию, и Оганян «получил бы по шапке».

---

* Отмечу, что базовая стипендия для студентов-выпускников, учрежденная специальным приказом Минвуза, будучи, правда, самой высокой в стране, составляла 600 рублей. А ведь были еще у нас в Физтехе (для отличников и нуждающихся) еще и так называемые повышенные стипендии, размер которых превышал зарплату Зиновьева — нашего тогдашнего учителя. На этом примере, исходя из затрат, связанных с оплатой преподавательского корпуса, вполне уместно сказать, что нас учили «дешево и сердито», а применительно к Зиновьеву вдобавок еще и весьма интересно, полезно и эффективно.

Конечно, принцип Зиновьева хорош и мне он нравится, поскольку не исключает возможности просить за других. Как следствие возникает вопрос, почему никто из сотрудников кафедры, уважавших и нормально относившихся к Зиновьеву, не поступил так. Что помешало? Страх перед Оганяном? Безразличие?

Впрочем, какова бы ни была причина, ясно одно — коллектив кафедры, говоря канцелярским штампом, оказался не на высоте.

В итоге нужно признать, что Физтех, сам пригласивший Зиновьева, дважды его обидел, причем каждый раз сразу же в самом начале очередного учебного года. И если первый раз ошибка была, можно сказать, исправлена, то во второй раз — нет. Ее устранил сам Зиновьев, подав заявление об уходе*.

С этим заявлением, собственноручно написанным Зиновьевым, в архиве МФТИ соседствует выписка из приказа № 44-к по МФТИ от 26 февраля 1960 г., согласно которому *«ассистент кафедры марксизма-ленинизма Зиновьев с 1 февраля с. г. освобожден от работы в Институте по собственному желанию. Основание: личное заявление с согласием зав. кафедрой»*.

Как так может быть? Явные неувязки. Как можно приказом от 26 февраля уволить сотрудника с 1 февраля на основании его просьбы, написанной 8 февраля? Отмечу, что в уже упомянутой мною ранее заметке в институтской газете «За науку», вышедшей 27 февраля, было написано, что *«работа над рефератами прошла успешно, и система полностью оправдала себя»*. Вероятно, все же произошло еще что-то, сопровождавшее уход Зиновьева из Физтеха. К сожалению, узнать детали случившегося уже невозможно. Эх, ознакомиться бы мне с его «Личным делом» пораньше, когда он был жив... Тогда можно было бы попробовать узнать у него, что же все-таки и как тогда было, хотя полагаю, он не стал бы ворошить прошлое.

* Извлечение из архива МФТИ

Директору Московского Физико-технического
Института И. Ф. Петрову от Зиновьева А. А.

Заявление

Прошу освободить меня от работы по совместительству на кафедре общественных наук Вашего института, так как по состоянию здоровья и по условиям работы по месту основной работы продолжать работу в Вашем институте я не имею возможности. Кроме того, основное свое задание на этот учебный год — организация работы студентов над философскими рефератами — я уже выполнил.

8 февраля 1960 г. А. Зиновьев.

Мне до сих пор очень обидно, что так случилось, но в происшедшем Физтех повинен все-таки косвенно. Дело в том, что должность заведующего кафедрой общественных наук была в Физтехе в то время, как говорится, номенклатурной. Предложения на этот «пост» исходили от Мытищинского горкома КПСС. Вины Физтеха в том, что назначенный на эту должность А. Г. Оганян оказался недалеким и склонным к гегемонизму человеком, нет. От его вывертов и самодеятельности безвинно страдали многие, и даже студенты и аспиранты. Когда дело зашло далеко, директор института И. Ф. Петров сумел добиться, чтобы «крестный отец» Оганяна — Мытищинский горком КПСС — своим решением досрочно освободил Оганяна (в конце 1960 г.) от занимаемой должности, а затем (в январе 1961 г.) И. Ф. Петров уволил его из МФТИ*. Впрочем, удовлетворения от этого никто не получил.

Через два года система рефератов настолько захирела, что была упразднена, оказавшись нежизнеспособной. Для ее развития нужен был светоч, каким был Зиновьев, а второго такого на горизонте не было. Конечно, это печально, что Физтех расстался с Зиновьевым (или наоборот?!). Может быть, на его решение повлияли своим убожеством мы (студенты), может быть, обстановка на кафедре, а может, и действительно то, о чем он написал в своем заявлении на имя директора. (Обида вряд ли скрутила его — он был стойкий человек.) Важно другое: проработав в МФТИ всего три семестра (1958—1960 гг.), Зиновьев с неповторимым колоритом и смысловой насыщенностью его педагогики настолько ярко сверкнул в Физтехе, что остался в памяти у всех, кто с ним встречался. Конечно, обидно, что он ушел из МФТИ и, как мы знаем, прочно осел в родном ему МГУ. Однако я полагаю, что местные интересы все же не столь важны, как желание личности, особенно такого масштаба, какой был присущ Зиновьеву.

И напоследок личное. После ухода Зиновьева из МФТИ и моего возвращения в Физтех встреч и пересечений с ним у меня потом долго не было. В 1972 г. я, достав только что вышедшую его «Логическую физику», пришел к нему с просьбой о дарственной авторской надписи. Он это сделал, мы поговорили о том о сем около получаса, и я ушел, снова очарованный им. Затем последовала чудовищная пауза — в 27 лет. Все это время он заочно

---

* К сказанному хочется добавить, что все учиненное Оганяном не следует трактовать, на мой взгляд, как «козни партийной системы». В целом парторганизация (и кафедра) были укомплектованы нормальными людьми. Однако все же оказалось, что народ прав, — даже одна одиозная овца, забредшая в стадо, способна весьма прилично навредить делу.

продолжал удивлять меня: сначала это были «Зияющие высоты» (1976 г.), а затем, после высылки из СССР, — всей своей зарубежной прозой. Мне удавалось разными путями (конечно, с отставанием во времени) доставать многое из его «продукции» в виде «швейцарских изданий» на русском языке (у меня, кстати, собран почти полный комплект этих его книг). Все они каждый раз при прочтении удивляли меня масштабностью его личности, значимостью сделанного им.

В 1999 г., после его возвращения уже в Россию («обрубок» СССР), мы встречались (о первой встрече я уже рассказал) чаще — не реже чем раз в три месяца. Набравшись смелости, я у него «выпросил» еще два автографа на его книгах: «Очерки комплексной логики» (М.: Изд-во «Эдиториал УРСС», 2000) и «Русский эксперимент» (Изд-во «наш дом — L'age d'Homme», 1995). Автограф на этой книге мне особенно дорог: «Петру Барашеву на память о годах учебы в МФТИ. А. Зиновьев. 20.04.2002.». Эти книги, во избежание потери, я не только не даю на сторону кому-либо почитать, но и вообще не выпускаю из стен моего дома. Темы разговоров с А. А. были самые разные: он интересовался, что есть новенького в физике, но в основном о судьбе России. По-прежнему поражало наличие логики в беседе, но уже логики с «печальным для нас концом». Хорошо помню его фразу, что «Нужно поднимать молодежь, но она так страшно инертна, что я (он имел в виду себя) пока не знаю, как ее расшевелить». Зная, что я работаю в Физтехе (уже по совместительству), расспрашивал, как идут дела в нынешнем МФТИ. Когда я однажды стал осторожно говорить, что мне нравится его гражданская позиция, он сразу же оборвал меня, сказав: «Не надо, я этого от Вас не ожидал». Увидев, что мне стало неловко, он тут же стал говорить о своей новой работе, назвав ее «Логической социологией», и я, увлекшись его рассказом, успокоился. Был и еще один ошеломительный для меня эпизод. Как-то при встрече я зачем-то высказал ему свое мнение о том, что я «не понимаю, как посмели «говнюки» (я так и сказал!) провалить его кандидатуру на выборах в Академию наук*. Он, будучи очень подвижным человеком, вдруг словно окаменел, стал вдруг каким-то другим. Потом резко сказал мне: «Хватит!»

---

* Со стороны нынешней Академии это, конечно, было даже не свинство, это была пощечина. Как может не быть академиком человек такого масштаба и с такими достижениями и заслугами — уму непостижимо. Подобное «отторжение» — это позорное пятно в истории Академии, характеризующее, впрочем, ее нынешнюю суть (речь идет об «избранных», а не о работагах в институтах Академии).

и, не попрощавшись, ушел... Я остался один, пребывая в прострации. Месяца два я не знал, как мне быть, можно ли и следует ли вновь встретиться с А. А. И представьте себе, он позвонил мне сам и пригласил на семинар в МГУ, где вручил только что вышедшую его книгу «Логическая социология». О том, что случилось ранее, как мне кажется, было забыто, и все, можно сказать «зарубцевалось». (Странно, но почему-то именно на этой встрече я впервые заметил, что его голос стал немного походить, как говорят в народе, на «старческий» — более высокий и с придыханием.) Последующие «контакты» были снова интересными и очень значимыми для меня, но я вел себя уже осторожно, понимая, что Александр Александрович раним.

Р. С. В годы «катастрофки» (его термин), предшествующие распаду СССР, публикации Зиновьева, носящие в основном характер интервью, начали появляться и в нашей стране, а после событий в Беловежской Пуще он вообще стал (на фоне сонма наших горе-политологов, идеологов, футурологов, социологов и т. п.) для многих тем единственно ценным автором, который убийственно трезво и чрезвычайно жестко и смело оценивал ситуацию в России и предсказывал глобальный и губительный характер ожидающих нас социальных катастроф*. Критика А. А. Зиновьевым ельцинских и последующих времен была уничтожающей. С ней по силе прямого воздействия на умы и эффективности последующего прозрения не могли сколь-нибудь заметно сравниться даже появляющиеся порой удачные памфлеты других авторов, использующих сарказм и желчь (подобные «средства» Зиновьев никогда, кстати, не использовал в своих публикациях). У него царствовали логика, безукоризненный системный анализ и, конечно (когда нужно!), личное искреннее и гневное отношение к происходящему.

На мой взгляд, будучи человеком-маяком, человеком-эпохой, А. А. Зиновьев за свою жизнь выполнил такую уникальную общегосударственную и общечеловеческую работу, которая, оказавшись не по силам никому, кроме него, настолько значима и фундаментальна, что при ее возможном развитии в дальнейшем просматриваются лишь те или иные перепевы уже сделанного им.

---

* Про смелость я упомянул недаром. Например, в январе 1993 г. в газете «Народная Правда», № 1 (53), было опубликовано его яростное, поразившее многих интервью, озаглавленное «Повесить в двадцать четыре часа!» (имелись в виду — были названы — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и, как сказано далее, «их выкорышши»). На страницах печати на столь резкую позицию не решался тогда никто из протестующих.